

*Когда молитвы наши бывают бесплодны**

Давно-давно жил один святой старец, который много молился и часто скорбел о грехах человеческих. И странным ему казалось, почему это так бывает, что люди в церковь ходят, Богу молятся, а живут все так же плохо. Греха не убывает.

«Господи, – думал он, – неужели не внимлешь Ты нашим молитвам? Вот люди постоянно молятся, чтобы жить им в мире и покаянии и ни как не могут. Неужели суетна их молитва?»

Однажды с этими мыслями он погрузился в сон. И чудилось ему, будто светозарный Ангел, обняв крылом, поднял его высоко-высоко над землей... По мере того, как поднимались они выше и выше, все слабее и слабее становились звуки, доносившиеся с поверхности земли... Лишь порой долетали откуда-то гармоничные, нежные звуки, как звуки далекой лютни.

– Что это? – спросил старец.

– Это святые молитвы, – отвечал Ангел, – только они слышатся здесь!

– Но отчего так слабо звучат они? Отчего так мало этих звуков? Ведь сейчас весь народ молится в храме?..

Ангел взглянул на него, и скорбно было лицо его.

– Ты хочешь знать?.. Смотри...

Далеко внизу виднелся большой храм. Чудесной силой раскрылись его своды, и старец мог видеть все, что делалось внутри.

Храм весь был полон народом. На клиросе виден был большой хор. Священник в полном облачении стоял в алтаре.

Шла служба. Какая служба – сказать было невозможно, ибо ни одного звука не было слышно. Видно было, как стоявший на левом клиросе дьячок что-то читал, быстро-быстро перебирая губами, но слова туда, вверх, не долетали. На амвон медленно вышел громадного роста диакон, плавным жестом поправил свои пышные волосы, потом поднял орарь, широко раскрыл рот, и ... ни звука!

На клиросе регент раздавал ноты: хор готовился петь.

«Уж хор-то, наверно, услышу...» – подумал старец.

Регент стукнул камертоном по колену, поднес его к уху, вытянул руки и дал знак начинать, но по-прежнему царила полная тишина. Смотреть было удивительно странно: регент махал руками, прищипывал ногой, басы краснели от натуги, тенора высоко поднимали головы, рты у всех были открыты, но пения не было.

«Что же это такое?» – подумал старец.

Он перевел глаза на молящихся. Их было очень много, разных возрастов и положений: мужчины и женщины, старики и дети, купцы и простые крестьяне. Все они крестились, кланялись, многие что-то шептали, но ничего не было слышно.

Вся церковь была немая.

– Отчего это? – спросил старец.

– Спустимся, и ты увидишь и поймешь... – сказал Ангел.

Они медленно, никем не видимые, спустились в самый храм. Нарядно одетая женщина стояла впереди всей толпы и, по-видимому, усердно молилась. Ангел приблизился к ней и тихо коснулся рукой... И вдруг старец увидал ее сердце и понял ее мысли.

«Ах, эта противная почтмейстерша! – думала она. – Опять в новой шляпе! Муж – пьяница, дети – оборванцы, а она форсит!.. Ишь выпяпилась!..»

Рядом стоял купец в хорошей суконной поддевке и задумчиво смотрел на иконостас. Ангел коснулся его груди, и перед старцем сейчас же открылись его затаенные мысли: «...Экая досада! Продешевил... Товару такого теперь нипочем не купишь! Не иначе как тышу потерял, а может, и полторы...»

Далее виднелся молодой крестьянский парень. Он почти не молился, а все время смотрел налево, где стояли женщины... Ангел прикоснулся к нему, и старец прочитал в его сердце: «Эх, и хороша Дуняша!.. Всем взяла: и лицом, и повадкой, и работой... Вот бы жену такую! Пойдет или нет?»

И многих касался Ангел, и у всех были подобные же мысли, пустые, праздные, житейские. Перед Богом стояли, но о Боге не думали. Только делали вид, что молились.

Теперь ты понимаешь? – спросил Ангел. – Такие молитвы к нам не доходят. Оттого и кажется, что все они точно немые...

В эту минуту вдруг чей-то детский, робкий голосок отчетливо проговорил:

– Господи! Ты Благ и Милостив... Спаси, помилуй, исцели бедную маму!..

В уголке, на коленях, прижавшись к стене, стоял маленький мальчик. В его глазах блестели слезы. Он молился за свою больную маму.

Ангел прикоснулся к его груди, и старец увидел детское сердце.

Там были скорбь и Любовь.

— Вот молитвы, которые слышны у нас! — сказал Ангел.

Таким образом, наши лицемерные, чисто внешние молитвы до Бога не доходят и плода не приносят.

Приближаются ко Мне люди сии устами своими, — говорит Господь, — и чтут меня языком; сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня (Мф. 15, 8-9). Более того: такая молитва прогневляет Бога.

«Прекрасно пишет о молитве Игнатий Брянчанинов, — говорила матушка. — Надо учиться молитве у святых отцов. А то вычитали правило — и повод имеем свысока на неверующих смотреть, позволяем себе — раздражаться на ближних. А молитва — великий дар: с Самим Богом общение. Смысл моления — обрести смирение. А где оно? Где результат молитвы? Выходит, что я и есть — первая не верующая а я! Почему так трудно нам молиться? Потому что надо вырваться из тисков мира сего — настроиться на Божественную тональность кротости... Куцая наша молитва — обличение страшной нашей привязанности к миру, нашего материализма...»

Слушая матушку, поняла, что еще не начинала учиться молиться. Явственно увидела, что смирения нет в помине — и, значит, — нет молитвы. Благодаря матушкиной пристальности, я разглядела полчище невидимых прежде грехов в своей только по имени называемой молитве. И позже, с помощью святителя Игнатия (Брянчанинова) перечень их увеличился.

Смирение есть единственный жертвенник, на котором дозволено человекам приносить молитвенные жертвы Богу, — единственный жертвенник, с которого молитвенные жертвы приемлются Богом. ... Невозможно, невозможно никакое духовное преуспеяние для того, кто отверг смирение, кто не озаботился вступить в священный союз с молитвой. ...завещание Апостола: *непрестанно молитесь...* Упражнение молитвой — есть заповедь Самого Господа, заповедь, соединенная с обетованием: просите, приглашает нас Господь, повелевает нам Господь, и дастся вам: ищите, и обряцете: толцете, и отверзется вам. Не воздремлет, ни-

же уснет, молитва ... доколе не введет его в небо. Там она преобразится в непрестанную жертву хвалы. Эту хвалу непрестанно будут приносить, будут провозглашать неумолчно избранные Божии от непрестанного ощущения блаженства в Вечности, прозябшего здесь, на земле и во времени, от семян покаяния, посеянных внимательной и усердной молитвой. Аминь»*.

Прочитав наставления святителя Игнатия «Молитва первоначального», вспомнила письмо Дивеевского пастыря иеромонаха Владимира, которое он писал человеку, прошедшему увлечение оккультизмом: «Без сокрушенного сердца Иисусова молитва может превратиться едва ли не в медитацию. Может стать гибельной для христианина, о чем весьма часто повествуют святые отцы. *Начало премудрости — страх Господень* (Притч. 9, 10), а его-то и нет в восточных учениях; там присутствует лишь одно своеволие, гордыня и стремление своими средствами перейти те запреты, которые заповедал нам Господь в нашем земном существовании — для нашего же блага.

Как пишет святитель Игнатий: «Все виды бесовской прелести возникают из того, что в основании молитвы не положено покаяние, что покаяние не сделалось душою, целью молитвы... Болезнование духа, плач сердца, самоосуждение, памятование смерти, Суда Божия и вечных мук, ощущение присутствия Божия, страх Божий — суть свидетельства правильного молитвенного подвига; отсутствие их — признак уклонения в ложном направлении»*.